

В такой настойчивой надежде Хэ Цяньсяо, когда выдавалась свободная минутка, начал бродить по императорскому дворцу.

Хотя сама мысль была довольно бредовой, он высматривал, нет ли во дворце каких-нибудь подземных ходов или иных тайных выходов — в сериалах всегда так показывают, а раз уж суть этого мира — роман, то наверняка и здесь такое должно быть?

В итоге никакого подземного хода он не нашёл, зато способ покинуть дворец ему всё-таки удалось разведать.

Выход из дворца подчинялся строгой процедуре, крайне хлопотной. Если он решит сбежать, обычный путь ему точно не подойдёт. Нестандартным каналом оказались телеги с припасами, на которых слуги возят грузы.

Он наблюдал несколько дней и решил, что это сработает.

Однако оставалось лишь проверить на практике.

Как раз когда Хэ Цяньсяо раздумывал, стоит ли рискнуть, и прикидывал, если всё же выберется, как потом возвращаться, в одном из углов дворца он наткнулся на главного героя.

Хэ Цяньсяо не знал его в лицо, поэтому поначалу, естественно, не понял, что это и есть тот самый персонаж.

Зато он узнал того, кто стоял рядом с ним — Наследного принца Хэ Цзычэня.

Не успев даже подумать о том, как эти двое оказались вместе, Хэ Цяньсяо развернулся, чтобы убежать, но Хэ Цзычэнь уже заметил его. С легкой улыбкой, не сулящей ничего хорошего, он окликнул его:

— Шестой братец, отчего же ты, увидев меня, словно мышь при виде кошки?

Хэ Цяньсяо подумал про себя: а разве этот человек не является для него заклятым врагом?

Он застыл и медленно обернулся. Рядом не было Юань Юаня, и в одиночестве он ощутил себя покинутым.

— Т-ты... братец Наследный принц.

— Шестой братец, — Хэ Цзычэнь слегка склонил голову набок, — я тебя не съем.

Взгляд Хэ Цяньсяо скользнул к человеку, стоящему рядом с Хэ Цзычэнем.

Этот человек носил меч, явно был стражником. Выглядел он... не таким уж могучим, как обычные стражники: лицо маленькое, красивое до чрезвычайности, но он определённо владел боевыми искусствами.

Сейчас Хэ Цяньсяо всё ещё не был уверен, знает ли Наследный принц о том, что натворила Императрица.

Если знает, то, вероятно, особой реакции не последует.

Что ещё важнее, Хэ Цзычэнь уже давно точил на него зуб — не воспользуется ли он случаем, чтобы отомстить? Ведь он сам боевыми искусствами не владеет.

Хэ Цзычэнь заметил, что сначала тот держался довольно спокойно, но, оставшись с ним наедине, сменил маску, и ему вдруг стало интересно.

С загадочной улыбкой он внезапно сделал два шага к Хэ Цяньсяо.

Расстояние между ними мгновенно сократилось до предела, и Хэ Цяньсяо перехватило дыхание.

— Хотя Шестой братец и выглядит аппетитно, но я... — В этот момент Хэ Цзычэнь поднял руку и провёл по щеке Хэ Цяньсяо.

Хэ Цяньсяо показалось это странным.

Хэ Цзычэнь убрал руку и развернул ладонь, на которой лежал листок, снятый им с лица.

— ...право, не ем людей, и к тебе у меня нет ни малейшего интереса, Шестой братец.

Этим словами он сорвал маску, которую носил всё это время.

Хэ Цяньсяо знал, что этот день рано или поздно настанет, но не думал, что так скоро.

К тому же он не знал, знает ли Наследный принц о том, что Императрица на него покушалась, и участвовал ли он в этом. Если участвовал, то это означало бы, что Наследный принц уже с трудом его терпит — положение крайне опасное.

Он подавил некоторую растерянность, притворился, будто не понимает, о чём говорит Хэ Цзычэнь, и даже склонил голову набок в ответ:

— О чём это ты, братец Наследный принц? Я ведь не еда.

Беззаботное выражение лица Хэ Цзычэня тут же застыло. Будучи на полголовы выше Хэ Цяньсяо, он смотрел на него сверху вниз, и его лицо менялось, становясь непроницаемым.

Мгновение спустя он рассмеялся.

— Верно, ты не еда, — он намеренно отступил, увеличивая дистанцию. — Лучше бы ты и вправду не понимал.

Однако, судя по его последним наблюдениям, этот его Шестой братец вовсе не походил на того, кто не понимает.

Как и сейчас: вроде бы то же самое лицо, что и раньше, но в нём появилось что-то другое, изменилось всё выражение.

Раньше Хэ Цяньсяо всегда любил опускать голову. Подумать только — принц крови, а ходит, потупив взор, просто смех, даже какой-нибудь слуга и то был бы более гордым.

А ещё он любил повсюду разбрасываться своей показной, никчёмной жалостью.

В последнее время же в нём словно появилась искра жизни. Даже когда он опускал голову, в нём чувствовалась бьющая ключом энергия. Внешне он показывал слабость, но на самом деле в любой момент мог вскинуть голову.

Словно гордый кот.

Хэ Цяньсяо решил, что здесь оставаться не стоит — задержишься, и ещё, чего доброго, обнаружат его желание сбежать из дворца.

— Братец Наследный принц, я вспомнил, что во Дворце Ицин есть кое-какие дела. Прошу позволения удалиться.

— О? — неожиданно спросил Наследный принц. — Какие же?

— ... — Хэ Цяньсяо на ходу придумал: — Я велел дворцовым слугам смастерить большого воздушного змея. Спешу взглянуть, как идут дела.

Глядите-ка: срок в семь дней, данный императором, вот-вот истечёт, а он всё думает лишь об играх — сущая грязь, которую к стене не прилепишь. Уж точно у него нет дерзости зариться на трон.

Хэ Цзычэнь кивнул:

— Шестой братец дела не расследует, зато в другом детскую непосредственность сохранил.

Хэ Цяньсяо подумал: «Да отпустите же меня скорее!» — и часто-часто закивал.

Видимо, его кивки выглядели слишком забавно, потому что стражник, стоявший рядом и всё это время остававшийся незамеченным, вдруг тихо усмехнулся.

Звук был негромким и не выглядел дерзким. Хэ Цяньсяо удивлённо спросил:

— А ты...

Он не знал этого человека, лицо было совсем незнакомым.

Тот сложил руки в приветственном жесте:

— Ваш покорный слуга Хуа Минчэн, здешний караульный.

Выражение лица Хэ Цяньсяо не изменилось, но сердце его сжалось.

Вот это да! Это же главный герой!

Так вот он какой, главный герой.

Погодите-ка... Не значит ли это, что сюжет книги снова сдвинется с места?

Чувство неотложности мгновенно охватило Хэ Цяньсяо.

В этот момент Хэ Цзычэнь произнёс:

— Раз уж ты беспокоишься о змее, ступай.

Хэ Цяньсяо тут же улизнул.

Глядя на его поспешно удаляющуюся спину, Хэ Цзычэнь погрузился в раздумья.

На его пальцах всё ещё оставалось ощущение той мягкой теплоты. Он потёр подушечки

пальцев.

Хэ Цяньсяо заметил, что, кажется, постоянно натывается на важных персонажей этого романа, словно по велению какого-то высшего замысла. Даже если он намеренно избегал всего, он всё равно сталкивался с ними в самых неожиданных местах.

И он примерно понял, на каком этапе находится сюжет.

Примерно через день-два Наследный принц порекомендует главного героя императору, а затем вместе с ним отправится улаживать тайные распри между Государством Минь и Великой Хэ.

До того момента, как выяснится, что он не является родным сыном императора, оставалось ещё около полугода.

То есть у него ещё есть полгода.

Тем временем Юань Юань принёс вести о том самом погибшем евнухе.

— Я разузнал: у Хэ Юя дома оставалась старая мать, но она уже давно пропала. Перед её исчезновением в деревне видели, как к дому Хэ Юя направлялось несколько мужчин.

Сейчас ещё нельзя было утверждать наверняка, что это Императрица, но почти наверняка это были её люди.

А мать Хэ Юя, скорее всего, увели люди Императрицы. Это объясняло, почему Хэ Юй не взял серебра и даже поплатился за это жизнью.

Горечь маленького человека.

Если это действительно была Императрица, то как же так — Хэ Цяньсяо видел её в тот день в скромном одеянии, без мясной пищи на столе, с виду такая благостная, а на деле такие... жестокие методы.

Теперь перед Хэ Цяньсяо оставалось только одно: найти мать Хэ Юя и сделать так, чтобы император сам обнаружил, что это дело рук Императрицы, выведя себя из-под удара.

К тому же главный герой вот-вот появится перед всеми, сюжетная линия неумолимо движется по накатанной колее. После того как он справится с этим делом, он уже не надеялся заслужить похвалу или расположение императора — лишь бы благополучно выпутаться самому.

На следующий день Хэ Цяньсяо действительно услышал весть о том, что Наследный принц рекомендовал императору одного талантливого человека.

Окончив утренние сборы, он собрался выйти из дворца.

По пути из дворца он снова столкнулся с неожиданным человеком.

Будущим цзюйжэнем Сюй Цзюэмином.

В тот миг, когда Хэ Цяньсяо увидел его, у него возникло ощущение, что его мысли

подтвердились: куда бы он ни пошёл, он везде сталкивается с главными персонажами книги.

Возможно, это связано с тем, что он и сам является важным второстепенным персонажем в этом романе.

Раз уж он важен, то от этого не убежать.

Поэтому Хэ Цяньсяо предположил, что если бы он на самом деле захотел прямо сейчас сбежать из дворца, сюжет этого мира этого бы не позволил.

Впрочем, было ещё кое-что: кажется, он мог изменить сюжет.

С того самого момента, как он оказался здесь, расследование дела о Порошке холодной пищи показало, что он способен изменить некоторые мелкие детали сюжета. Однако, судя по тому, что главный герой появился точно по расписанию во время его расследования, крупные сюжетные линии он изменить не мог.

Иными словами, ему всё равно суждено умереть.

Печальный вывод.

При виде Сюй Цзюэминя Хэ Цяньсяо совершенно не хотелось подходить. Он собирался просто пройти мимо, не обращая на него внимания.

Перед Сюй Цзюэмином его собственное положение было гораздо выше, и он мог уйти, когда вздумается.

Однако, если он сам не обращал внимания на Сюй Цзюэминя, то Сюй Цзюэминь в этот раз настойчиво стремился к общению.

Хэ Цяньсяо не успел даже отвернуться, как услышал голос Сюй Цзюэминя:

— Шестой принц, приветствую вас.

Они находились у ворот дворца: он собирался выйти, а Сюй Цзюэминь — войти. Их пути были совершенно противоположны, и Хэ Цяньсяо не понимал, зачем тому непременно нужно было подойти и поздороваться.

Хэ Цяньсяо прокашлялся в знак ответа.

В последнее время он совершил столько поступков, не свойственных прежнему хозяину тела, что ещё один-два погоды не сделают. К тому же в прошлый раз, напившись, он раскрыл свою истинную сущность и опозорился на глазах у всех. Согласно характеру Хэ Цяньсяо, при повторной встрече с предметом своей любви испытывать неловкость было вполне естественно.

Сюй Цзюэминь заметил его откровенную небрежность и, опустив глаза, произнёс:

— Недавно в моём поместье, в саду, зацвёл гибискус, посаженный Шестым принцем. Моя сестра всё время о вас вспоминает.

Взгляд Хэ Цяньсяо, полный неловкости, замер.

Сюй Цзюэминь этим... приглашает его в Поместье Сюй?

Хэ Цяньсяо внезапно похолодел.

Разве в оригинальной книге Сюй Цзюэминь не испытывал к нему отвращения?

У Сюй Цзюэминя была младшая сестра, и прежний хозяин тела постоянно находил предлог, якобы чтобы поиграть с ней, навещался в поместье, чтобы увидеть Сюй Цзюэминя. На деле же каждый его визит был направлен именно на то, чтобы повидать Сюй Цзюэминя.

А реакция Сюй Цзюэминя всякий раз оставалась загадочной.

Иногда казалось, что прежний хозяин для него особенный: ведь если кто-то другой под предлогом игры с его сестрой заявлялся к нему в поместье, он, бывало, находил повод выставить того вон.

Иногда же казалось, что ничего особенного и нет, — он не выгонял его только потому, что тот был принцем и не хотел портить отношения.

Как выяснилось позже, так оно и было — только из-за статуса принца.

Но сейчас его приглашение выглядело довольно необычным.

Поначалу Хэ Цяньсяо не соглашался, только неопределённо пообещал зайти в другой раз. Однако по дороге обратно он снова наткнулся на Сюй Цзюэминя.

Хэ Цяньсяо: «...» Теперь хочешь не хочешь, а идти придётся.

Придя, он обнаружил, что все разговоры о том, что «сестра по вам скучает», — чистейшая ложь.

Сестре Сюй Цзюэминя было всего три года, откуда ей знать, что такое скучать?

И прежний хозяин тоже был хорош: ребёнку три года, а он каждый день напрашивался с ней играть. Скорее всего, каждый его приход был подобен замыслу Сыма Чжао — всем и так было ясно, зачем он на самом деле является.

Сюй Цзюэминь же был ещё лучше: врал, не моргнув глазом.

Но не мог же Сюй Цзюэминь пригласить его из-за того, что влюбился в него?

Хэ Цяньсяо огляделся по сторонам и действительно заметил гибискус.

Сюй Цзюэминь стоял рядом с ним. Двор Поместья Сюй был чистым и изящным, сразу видно — книжная семья. Повсюду было много цветов и трав, и среди них виднелся тот самый куст, посаженный им.

Даже несмотря на гибискус, сердце Хэ Цяньсяо не успокоилось.

Сюй Цзюэминь был умным человеком; не будь он умным, не смог бы сдать экзамен на цзюйжэня. Его присутствие, можно сказать, олицетворяло высший интеллект в этом романе.

В прошлый раз на пиру Хэ Цяньсяо вёл себя слишком заметно. Даже если бы у него было оправдание в виде опьянения, Сюй Цзюэминь ему не поверил.

Он его проверял.

Значит, дело вовсе не в каком-то внезапном озарении или зародившейся симпатии.

— Брат Сюй, — вздохнул Хэ Цяньсяо, — я и хотел спросить ещё раньше: когда это я сажал гибискус в твоём поместье?

Судя по характеру прежнего хозяина, каждый раз, приходя в Поместье Сюй, он был настолько напряжён, что даже боялся лишний раз шевельнуться, не то что тронуть здесь хотя бы травинку.

В глазах Сюй Цзюэминя мелькнуло удивление.

И правда: тот же самый человек, память у него прежняя, но почему же у него возникает ощущение, что это два разных человека?

Хэ Цяньсяо помнил всё, что происходило раньше, и, несомненно, был тем самым, но в последнее время он не только не приходил в поместье, но и всё своё время посвящал расследованию — это было на него совершенно не похоже.

У Сюй Цзюэминя были подозрения, но он не выказывал их слишком явно. Когда Хэ Цяньсяо бросил на него вопросительный взгляд, он равнодушно произнёс:

— Возможно, я ошибся.

Разве цзюйжэнь может ошибаться?

Хэ Цяньсяо подумал: «Правда? Что-то не верится», — но, желая рассеять опасения Сюй Цзюэминя, всё же опустил голову и смущённо ответил:

— Раз брат Сюй говорит, что это я посадил, значит, так оно и есть.

Услышав это, Сюй Цзюэминь на мгновение потерял дар речи.

Помолчав, он наконец, словно не в силах больше терпеть, произнёс:

— Раз уж на гибискус вы посмотрели, ступайте по своим делам, принц.

Хэ Цяньсяо: «...» Неужели эффект настолько мгновенный?

Стоило ему лишь чуть-чуть проявить признаки симпатии к Сюй Цзюэминю, как тот тут же терял желание с ним разговаривать!

Хэ Цяньсяо немедленно ответил:

— Хорошо.

Но тут же пожалел о своей поспешности в словах.

Едва он это произнёс, взгляд Сюй Цзюэминя снова скользнул по нему. Его холодное выражение лица постепенно сменилось другим, более тонким:

— При прошлой встрече с принцем мне показалось, что вы отличаетесь от прежнего себя.

В голове Хэ Цяньсяо тут же зазвенел тревожный колокол.

Он снова прибегнул к своему старому приёму — притворился дурачком:

— Правда? А я и не заметил.

— Возможно, мне показалось, — Сюй Цзюэминь отступил на шаг, увеличивая расстояние между ними, и вдруг, протянув руку, сорвал самый яркий цветок гибискуса в саду. — Хотя вы его и не сажали, но этот гибискус вам идёт. Позвольте подарить его вам.

На этот раз Хэ Цяньсяо не совершил ничего вызывающего.

Он принял цветок и даже сделал застенчивое выражение лица, глядя на Сюй Цзюэминя.

Сюй Цзюэминь не отвёл взгляда, а просто смотрел на него.

Может, ему и вправду показалось.

Вроде бы всё так же, как и прежде.

Но в некоторых деталях он всё же чувствовал разницу. Например, раньше, когда Хэ Цяньсяо краснел, он не поднимал на него глаз; когда же смотрел, взгляд его бегал. Теперь же Хэ Цяньсяо смотрел прямо на него, на лице было написано смущение, но при внимательном взгляде можно было заметить, что в глубине глаз его царит полное спокойствие.

Чистый, прозрачный до самого дна.

Сюй Цзюэминь убрал руку, всё ещё ощущая прохладу воздуха.

Он подавил свои эмоции. Подняв глаза, он увидел, что взгляд Хэ Цяньсяо прикован к чему-то другому, и тот стоял к нему вполоборота.

У Хэ Цяньсяо и вправду была приятная внешность: подбородок острее, чем у обычных людей, ресницы длинные и загнутые вверх, кожа белая, словно снег, и только ярко-алые губы служили единственным ярким пятном.

Губы его были чуть приоткрыты, словно он улыбался.

Когда Хэ Цяньсяо только пришёл, сестра Сюй Цзюэминя встретила его не слишком приветливо — сделала вид, будто совсем его не знает. Но сейчас она, словно очнувшись, ковыляя, направилась к Хэ Цяньсяо, и нянька едва успела её подхватить.

Хэ Цяньсяо присел на корточки, и девочка тут же бросилась в его объятия.

Должно быть, Хэ Цяньсяо и правда часто к ней приходил, а тут долго не было — вот она и капризничала.

Девочка обняла Хэ Цяньсяо за шею и надула губки:

— Братик плохой!

Хэ Цяньсяо был равнодушен к таким малышам и спросил:

— Чем же братик плох?

— Братик ко мне не приходит.

Дети в таком возрасте говорят ещё не очень внятно, но уже могут выразить свои мысли. Хэ Цяньсяо немного поиграл с ней, и она выхватила у него из рук гибискус.

Хэ Цяньсяо не стал его отнимать.

В этот момент сестрёнка подняла ручонку и воткнула цветок ему за ухо, засмеявшись:

— Братику цветок идёт, красиво.

Обычно мужчины надевают цветы в день большого праздника — например, жених или цзюйжэнь, это всегда символизирует радостное событие.

Хэ Цяньсяо на мгновение опешил, а затем рассмеялся.

Сюй Цзюэминь внезапно отвёл от него взгляд и опустил глаза.

Когда Хэ Цяньсяо вышел из Поместья Сюй, он уже забыл, что у него за ухом торжит цветок. В тот день Юань Юаня рядом не было, а другие слуги не осмеливались и заикнуться. Так он и ехал, пока по дороге ко дворцу не встретил Янь Гуя.

Хэ Цяньсяо подумал: «Сколько же сегодня людей во дворец едет — людно, как на ярмарке».

Сегодня с Янь Гуем не было его двоих подчинённых, он был один. Когда повозка Хэ Цяньсяо остановилась рядом и он откинул занавеску, взгляд Янь Гуя упал на него, и тот на мгновение застыл.

Хэ Цяньсяо не понял, чему тот удивился.

К единственному в этом романе хорошему человеку он не испытывал такой опаски, как к другим, и поприветствовал его:

— Здравствуйте, Генерал Янь.

Взгляд Янь Гуя медленно скользнул с его лица к уху. Хэ Цяньсяо подумал, что у него на лице насекомое, провёл рукой по щеке, но ничего не обнаружил.

Помолчав, Янь Гуй произнёс:

— Шестой принц сегодня выглядит необычно воодушевлённым.

Хэ Цяньсяо:

— Это заметно?

Янь Гуй ничего не ответил.

Хотя он и был одним из немногих хороших людей, каждый раз, когда Хэ Цяньсяо оказывался рядом с ним, он ощущал исходящую от него убийственную ауру. Даже если внешне генерал был красив, вряд ли дети любили с ним играть — наверняка вечно боялись разреветься.

Хэ Цяньсяо хотел подвезти его, чтобы таким образом загладить вину за тот раз, когда он,

пьяный, заставил его называть себя «благодетелем».

— Генерал Янь, до дворца ещё далеко. Не хотите ли составить мне компанию?

Сам он был ленив: если мог сесть, ни за что не стоял бы.

От дома Янь Гуя до дворца, а затем от ворот до Императорского дворца Чэнцин ему, пожалуй, пришлось бы идти целое утро. Янь Гую тоже наверняка понадобится немало времени.

Янь Гуй посмотрел на него своими глубокими глазами.

Хэ Цяньсяо только сейчас подумал: Янь Гуй всё-таки военный, если он так запросто сядет в повозку, не покажется ли это ему унижительным? Не подумает ли он, что Хэ Цяньсяо не желает терпеть лишения?

Но через мгновение Янь Гуй кивнул:

— Раз Шестой принц так любезен, не смею отказаться.

Хэ Цяньсяо: «...» Кто это любезен?

Когда Янь Гуй забрался внутрь, пространство в повозке мгновенно стало тесным. Раньше, когда заходил Юань Юань, вдвоём им было вовсе не так тесно.

Когда пространство сжалось, Хэ Цяньсяо не знал, куда девать руки и ноги.

Главное, они сидели плечом к плечу, и при малейшем движении он задевал Янь Гуя. А в прошлый раз он, напившись, ещё и вырвал на него, так что теперь ему было неловко находиться так близко.

Янь Гуй сидел неподвижно, словно гора, и даже когда Хэ Цяньсяо задевал его, тот не шелохнулся.

Повозка тряслась, они молчали, и на очередном ухабе Хэ Цяньсяо чуть не повалился на Янь Гуя.

Внезапно Янь Гуй заговорил:

— Слышал, что дело, порученное вам императором несколько дней назад, до сих пор не сдвинулось с мёртвой точки, и срок вот-вот истечёт. А вы, смотрю, совсем не спешите.

Хэ Цяньсяо поспешно выпрямился и ответил вопросом на вопрос:

— Разве от беспокойства проблема решится?

Беспокойство никак не вязалось с его стремлением быть «вяленой рыбой». Разве «вяленая рыба» может тревожиться? Если проблема действительно не решается, лучше просто лечь и не дёргаться.